

Владимир Гусев писатель, профессор, руководитель

Владимир Иванович Гусев – российский литературовед, литературный критик. Член Союза писателей СССР (1963), председатель президиума Московской городской организации СП России, член секретариата исполкома Международного сообщества писательских союзов, главный редактор журнала «Московский вестник». Родился 18 мая 1937 года в Воронеже в семье вузовских преподавателей. Окончил филологический факультет Воронежского университета (1959) и аспирантуру МГУ (1964). С 1970 года преподает в Литинституте (кафедра теории и литературной критики). Доктор филологических наук (1984), профессор (1986). Книги Гусева переведены на английский, венгерский, вьетнамский, лезгинский, польский, французский, чешский, эстонский языки. Накануне юбилея редактор «ОЛГ» Игорь Николенко провёл с юбиляром интервью.

– Владимир Иванович, близится ваш юбилей. Это возможность для «Общественной Литературной газеты» задать вам несколько важных, с нашей точки зрения, вопросов. Которые, учитывая ваш статус и основные интересы, будут касаться литературы.

Анализируя прошедший тяжёлый в целом для культуры и литературы период, не остаётся сомнений, что вы оказались надёжным хранителем института профессиональной русской литературы как человек, более 20-ти лет возглавлявший Московскую городскую организацию писателей РФ и как профессор Литературного института им. М. Горького. Скажите, чем вам это обернулось – под ежедневным напором зачастую невыносимого финансового и политического прессинга сохранять достоинство и основные ценностные ориентиры русского интеллигента, руководителя самого большого писательского союза страны?

– Чем обернулось? Может, тем, по поводу чего Гоголь сказал: «Русский человек иногда говорит "чёрт побори всё"». Когда достают со всех сторон, думаешь: «чёрт побори всё», – и это успокаивает. Все прочие слова не срабатывают. А так... Должность моя имела за все эти 20 лет разные названия, но суть одна и та же. С 90-го года я в московской Организации. Напирают со всех сторон, да так, что вспоминается Пушкин: «Напирайте, Бога ради, на него со всех сторон. Не попробовав ли сзади? Там всего слабеет он...» А напирают не только на В.И. Гусева. Тут ведь ещё материальное обстоятельство, очень прозаическое: наш дом в писательской собственности, то есть в коллективной собственности Московской городской писательской организации, а дом-то хорош собой, обжит, многим хочется быть в нём хозяевами без всяких московских писателей. Но, как собака на сене, поперебь их мечты Владимир Иванович Гусев, который сам не ест и другим не даёт. А это тяжёлое обстоятельство, тут ведь в средствах не считаются... И как быть? Кроме юмора, ничего не поможет. Когда-то читал повесть одного молодого автора, повесть как повесть, молодые супруги спорятся и прочее, и запомнил фразу: «В их отношениях было всё, кроме чувства юмора». Это, кстати, очень точный совет молодым супругам: сохранять спокойствие в любой ситуации и относиться ко всему с юмором. Бывает, что, кроме юмора, не на что опереться. В общем, не буду расхваливать свою выдержку, волю и так далее.

А воля... В каких-то определённых ситуациях, как и всякий человек, проявляю её, а в каких-то – я наоборот очень, как сказать, безвольный. У меня вот воли не хватает в обыденных ситуациях, но когда-таки надо быть собранным, она у меня появляется. Это природные данные, идущие, вероятно, от матери. Порой, пользуясь тем, что Бог силой не обидел, приходилось вышибать из ка-

бинета, чисто физически, негодяев, в то время как мои друзья сидели, склонив головы к столу... Всего хватало.

Так что специальных рецептов нет. Нет особых соображений насчёт того, как я провёл эти 20 лет. Могу лишь констатировать, что провёл их вот на этом месте, на котором даже мощные, волевые люди порой не выдерживали больше трёх лет. Вон в портретах вся генеалогия Московской городской организации, кто ею когда руководил. Личности крупные: Шипачёв, Луконин... Луконин, кстати, был симпатичный человек, юмористичный в крайней степени...

В общем, руководители московской писательской организации обычно сидели на постах по три-четыре года и уходили, потому что долгие сидеть было невозможно. Страшный напор, да ещё публика – все писатели, около трёх тысяч индивидуальностей. Помню, первая ошибка, которую я совершил, была такая. Звонит мне некто: мол, ты заступил на должность, дай бо тысяч (60 тысяч тогда были большие деньги). Я говорю: не могу дать. Он: не можешь или не хочешь? Я ему: нас три тысячи, и если каждый начнёт просить по бо тысяч, организация разорится. Пауза, и он мне: ну, знаешь, я – не все... И тут я понял, что, будучи по сути прав, выбрал неправильную лексику. Хотя писателей и три тысячи, но каждый «не все», каждый – неповторимый талант. Думаю, утверждая своё превосходство, творческие люди правы. Потому что писатель такая должность, что если не считаешь, что ты «не все» и не один-единственный гений на свете, то у тебя ничего не получится... Но моё-то положение какое? Каждый «не все», и таких тысячи, так что возникают чисто технические проблемы.

– У меня такое мнение, что ситуация в МГО СП России в 90-х годах была заточена историей именно под Гусева. Кроме вас, вряд ли кто-либо смог бы здесь усидеть.

– Трудно сказать.

– У вас есть притягательная черта характера: вы не только «слуга царю» как делу, но и «отец солдатам» – брат, друг, товарищ писателям.

– Да, товарищ. Мои коллеги для меня именно прежде всего товарищи. Даже сам факт перевыборов... Действительно, 20 лет занимаю пост, такого не было. На перевыборных собраниях кто-то предлагает того-другого-третьего и – Гусева. Из зала голоса: «Он водку пьёт». С другого конца: «Мы все её пьём. Лучше Гусев, это известно, по крайней мере, зло, а выберем другого – выберем зло неизвестное».

– Владимир Иванович, нельзя сказать, что в период общероссийской культурной деградации литература исчезла. Книжные полки и телевидение являют примеры успешной литературной продукции довольно значительной группы не относящихся к союзу писателей. Вопрос:

какую литературу спасали и отстаивали вы? Где имена, которые можно противопоставить коммерческому книжному потоку? Где читатель со вкусом и умом может найти издания большой литературы?

– Начну вот с чего. В каком-то интервью я сказал: массовость – не моё амплу. Отстаиваю литературу серьёзную, не скучную, а серьёзную, серьёзную в смысле качества. Что такое серьёзная литература? На это ответить нельзя, здесь работает интуиция, то есть каждый соображающий человек знает, что такое литература серьёзная и что такое литература несерьёзная, объяснить это трудно. Какой-нибудь Минаев – серьёзная литература или нет? Кто ответит? И так далее. Во всяком случае, мои студенты, чувствуя моё настроение, любят воевать с массовой литературой, с литературным ширпотребом. Я ширпотреб не признаю, отстаиваю русскую литературу серьёзную, литературу традиции. Поэтому, вероятно, я не большой поклонник Достоевского и даже отчасти Гоголя, хотя знаю, что Гоголь огромная фигура. О Достоевском вообще не говорю: исполни. Оба гении, но оба не являются, на мой взгляд, представителями большого стиля русской словесности. Большой стиль – это Пушкин, Лермонтов, Толстой, Тургенев, Гончаров, Чехов, Достоевский и Гоголь – два гения, стоящие особняком. Кроме того, сама традиция Достоевского для меня как для литератора довольно чуждая... Кстати, к вопросу о Достоевском. В своё время Леонов говорил, что Достоевского любят больше всего. В ходу глупый вопрос, на который всегда трудно отвечать: «Какой писатель сейчас самый лучший?» Я начинаю с того, что нельзя спрашивать, какой писатель лучший, вопрос не профессиональный. Но если уж приходится отвечать, то говорю, что в последние годы из поэтов считал наиболее серьёзным Юрия Кузнецова... А насчёт прозаиков скажу то, что, может, вас удивит. Леонов. Считаю, что во второй половине 20 века лучшим романом всего этого периода была «Пирамида» Леонова. Чтение очень тяжёлое. Студентов моих я буквально заставлял читать, такой дьячковский стиль с закруглениями, тяжёлая, уплотнённая фраза, донельзя уплотнённая, иногда даже дисгармоничная. Короче, если в первой половине 20 века «Тихий Дон», а на западе Джойс, Пруст и Кафка, то у нас всё-таки, полагаю, – «Пирамида» Леонова. Не по читабельности ни в коем разе, – очень нечитабельный роман, – но по плотности и по грандиозности проблематики. Кстати, в этом смысле он гораздо оригинальнее Булгакова с его «Мастером и Маргаритой». Что такое «Мастер и Маргарита»? Во-первых, до него был Гёте с «Фаустом», во-вторых, был Гоголь, у которых подняты в романе проблемы решились куда как с большей глубиной... Булгаков разве что популяризировал проблематику.

– Да, булгаковский роман – однолинейный роман.

– Согласуясь, однолинейный. Во-вторых, недоделанный, – а в-третьих, образ дьявола, который вдруг симпатичен, давно в ходу в европейской и в нашей литературе. У Леонова же всё гораздо серьёзней, настолько, что переписать невозможно. Чтение требует усилий. Даже мне, профессионалу, читать Леонова непросто. Самую его стилистику воспринимаю с трудом. Возвращаясь к вопросу. Спрашиваете, где имена, которые можно противопоставить коммерческому книжному рынку? Можно, конечно, назвать. Но неохота давать преискурранты.

– Пару имён.

– Сколько ни назови, хоть пятнадцать, всё равно триста потом обидятся. Расскажу байку. Как-то я написал статью о текущей литературе, и её где-то напечатали. Упоминано было десять человек. Наутро прихожу – за столом сидят эти десять, каждый с пол-литра. Но через день пошли неупомянутые, их было столько же... И все говорили одно: «Графоманов хвалишь, а про нас, серьёзных писателей, забыл?» Поэтому избегаю имён... Кстати, самое молодое поколение пока не даёт заметных плодов. Сузу во по чему. Когда спрашивают: назови имена, – у меня в голове уже некий список, а тут, когда спрашивают про молодых, в голове ничего. Имена... У нас в московской Организации полно, кстати, поэтов, все талантливые, и Переверзин, и Бояринов, и Силкин, и Котюков. Что касается прозы... Крупин пришёл в голову, хотя у Крупина не нравится его чрезмерное православие; всё хорошо в меру, особенно в искусстве. Да, художество и религия – вещи смежные, зависящие друг от друга, тесно связанные, но разные. Это разные духовные деятельности, о чём надо помнить. Помнить и не доказывать, в угоду конфессии, что не Пушкин написал «Гавриилиаду». Пушкин написал «Гавриилиаду». И «Сказку о попе и работнике Балде» тоже он написал. Художество есть художество, ничего не поделаешь. Так что преискурранты давать не хотелось бы, но принцип я обозначил.

– О личном. Ваш юбилей знаменует возраст солидного мужа...

– Семьдесят пять – возраст солидного мужа? Комплимент... Я на это обычно отвечаю так: в последнее время мне говорят: Владимир Иванович, хорошо выглядите. А я усмехаясь: когда мне было 30 лет, никто не говорил, что я хорошо выгляжу, а сейчас почему-то все говорят. Подозрительно! В метро мне то уступают место, то не уступают. Бывают такие нахальные девки... вы меня извините, идёшь сестра, а она перед тобой забегает и садится. Ну, думаешь, ладно, и на том спасибо, по крайней мере, принимаю меня не за последнего старика...

– Скажите, удалось ли вам создать произведение, о котором вы, может, мечтали с юности и в котором нашла, насколько это возможно, выражение ваша сокровенная экзистенция? Есть

ли книга, ради которой вы могли бы отказаться от ваших всех прочих книг? Может, это ваш вдохновенный романтический «Огненный ветер Юга»? Или «Дневник писателя»? Или «Дневник метрический»? Или эллигическое «Спасское-Лутовиново»?

– Вопрос почти на засыпку. Я не считаю какую-то одну книгу своей главной, хотя долгое время считал таковой «Спасское-Лутовиново». Но ситуация изменилась. «Спасское-Лутовиново», кстати, переиздано, вон лежит переиздание первой части. И только что появилась вот эта книжечка (В.И. показывает свою новую книгу). Первое, что я сказал, увидев её: как дам кому-нибудь по башке ею – человек упадёт. Это мой весь дневник за 97-й год, который печатался в шести номерах журнала... Одно назвать трудно... Можно назвать всё, что вы перечислили, особенно, конечно, «Ветер юга...» Французы ведь не полные дураки, его переводило издательство «Грассе», одно из главных французских издательств... Вообще, к моим латиноамериканским «Огненному ветру юга» и к «Горизонтам свободы» я отношусь с внутренней теплотой. Когда-то Анатолий Ким приветствовал меня так: «Теперь я убедился, что ты настоящий писатель. А почему? Потому что ты всё про себя, да про себя, а вот написал "Огненный ветер...", и я убедился, что ты можешь писать не только про себя». Спасибо за похвалу, конечно... Ну, и «Спасское-Лутовиново» – оно мне дорого. Вы, Игорь, как раз перечислили книжки, которые я мог бы считать главными.

– По-моему, «Спасское...» – наиболее полное выражение вас.

– Согласен. Наиболее аутогенное, как говорят.

– Когда вспоминаю Гусева – вспоминаю «Спасское-Лутовиново».

– Недавно Володя Орлов звонил, о чём-то спрашивал, о чём-то я его спрашивал, потом говорит: сию, время от времени перечитываю твоё «Спасское-Лутовиново». Когда такое слышишь от Владимира Орлова, это что-то значит... А так, Казанцев мне подарил свою поэтическую книжку и мудро написал на ней: поэту в прозе и поэту в стихах, который вовсе не прозаический, – в общем, что-то в этом роде, не помню наизусть...

Неохота обижать какие-то свои книжки. Я кстати, из-за того, что институт обязал, счёл, наконец, все свои отдельные издания. Некоторые маленькие, брошюры, некоторые большие; а так, в общем, пятьдесят восемь отдельных изданий. Так что выбирать довольно тяжело. Что у вас перечислено – примерно то и есть, что соревнуется, так сказать, на эту тему.

– Владимир Иванович, какое место занимает в вашей судьбе Литературный институт, где вас неподдельно обожают студенты за блестящий дар элоквенции? Смогли бы вы быть просто писателем и не быть профессором Литинститута?

– На это тоже трудно ответить. Мне, конечно, не обойтись без Литературного института. Сейчас, правда, не столько всё автоматизировалось, как говорил один досужий теоретик. Моя трудовая книжка лежит в Литинституте и сейчас. Там я в 68-ом начал работать на почасовой, а с 70-го года в штате. В общем, Литинститут – это уже просто мой дом. Здесь, на Большой Никитской, мой второй дом, а там мой первый дом. Не представляю себя без Литинститута, да и без студентов тоже. Здесь вот бывает всякое, в том числе ругатели, а приходишь в Литинститут – и видишь, как студенты с тобой здороваются не просто вежливо, но и доброжелательно. Хотя не все меня знают, у меня только семинар и лекции по теории прозы, семинар довольно короткий, но, тем не менее, все студенты здороваются очень, повторюсь, доброжелательно. Это приятель, чем что бы то ни было.

Институт – мой дом, а хвалить собственный дом... Мог ли бы я без него обойтись? Вряд ли. Хотя начинал педагогическую деятельность в Воронежском университете, но Литинститут – особое место, где просто академический преподаватель не справится. Там надо быть живым, иначе слушать не будут, разбегутся... Как-то на экзамен приходит поддаты в красной рубашке юнец и первое, что говорит: «Мне эти ваши омбы и доктити противны». Я от-

вечаю, что, во-первых, не «омбы и доктити», а ямбы и дактили, а во-вторых, что он пьян и глупость гордится. Он: я дурак и горжусь этим! Я: приходи через три дня, а сейчас – вон! «Хорошо, Владимир Иванович». Через три дня приходит уже трезвый и сдает, называет ямбы и дактили, спрашивает: вы на меня не обиделись? Что ж, говорю, на дурака обижаться? Вот такие родственные почти отношения. В академическом ВУЗе подобное невозможно.

– Да, створческими людьми приходится импровизировать.

– Несомненно... Кстати, сейчас у меня лекция по теории прозы и, хотя много лет их читаю, импровизирую. Известно, что экспромт должен быть хорошо подготовлен. И пусть всякий раз лекция на одну и ту же тему, но каждый раз я говорю всё-таки разное. Импровизация. Когда не пишется, можешь бросить и не писать, а уж если лекция, то, плохо тебе или хорошо, всё равно должен полтора часа говорить. Часто после таких, как вы сказали, элоквенций, я ни на что не способен, потому что выкладываюсь полностью. А говорить по бумажке – дурной тон, не могу... Что касается моих лекционных данных, то когда я начинал, ещё в Воронежском университете, они были весьма относительные: мекал-векал, студенты презиравали; потом постепенно вырабатывается манера, становится более гладкой, так сказать. Всё-таки лектор – это ещё и дело опыта, не только талант. На одном таланте далеко не поедешь.

– Вынашиваете ли вы новые творческие планы? Или уже в столе лежит новая рукопись, которую, как последыша, литератор, как правило, любит больше других и в которой надеется выразить себя и свой дар исчерпывающе?

– Вот книга, вчера получил (В.И. кивает на книгу на столе). Что касается романов и больших повестей, в последнее время их не пишу. В «Московском литераторе» напечатал теоретическую статью, где, несколько эссеистски, объясняю, почему не пишу романов. Мне кажется, роман, такой типичный роман, с его подробностями, переходами, связками и так далее, устарел. Толстой всё время жаловался, что ему надо эти связки, мотивировки и прочее.

– Не отсюда ли Ницше и Розанов?

– Ницше, Розанов? В том числе и они, как же! У меня и про них в статье написано. Скажу ещё то, про что хотел написать, да забыл. «Евгений Онегин», между прочим, маргинальный жанр. Что это такое – «роман в стихах»? Чистая маргинальность. Пушкин сам признавался: «дьявольская разница». Так что иногда маргинальный жанр выходит на первый план. Мысль, конечно спорная, но достойная раздумий.

Другое дело, что жаль романистов. Им как-то ведь надо существовать, проявлять своеобразный прагматизм, устраивая в издательстве вещи, которые по формату, мягко говоря, отстали от эпохи. Но и модный формат модному формату рознь. Когда мне толкуют про коммерческий прагматизм и приводят слова Пушкина, что, мол, «не продаётся вдохновение, но можно рукопись продать», я говорю: почему вы видите только вторую строку «можно рукопись продать»? А вдохновение-то не продаётся, между прочим, даже если оно заказное. Микеланджело, например, всегда писал по заказу. Меня спрашивают, можно на заказ писать или нет. Отвечают: посмотрите, что вам заказали, и, если чувствуете, что будете халтурить, откажитесь.

– Владимир Иванович, напоследок с чем хотели бы вы обратиться к российским писателям? Хотели бы что-нибудь пожелать им или о чём-либо предупредить с высот вашего профессионализма, интеллекта и опыта?

– На это скажу коротко. Дорогие писатели, особенно молодые! Если вы серьёзные, художественные, настоящие писатели, попытайтесь сделать самое трудное: попытайтесь всю жизнь оставаться самими собой. Конечно, придётся релятивизм проявлять, прагматизм практиковать и прочее, но всё же внутренне себе не измените. Потому что в нынешней обстановке самое трудное – это остаться самими собой. И, собственно, ничего больше мне неохота желать. Разве что и творческих успехов!

Ф.Ф. Кузнецов против МЛФ: очередная попытка

23 мая в Савёловском районном суде состоялось судебное заседание по рассмотрению гражданского дела по иску г-жи Т.В. Даниловой к МООП МЛФ о взыскании денежных средств.

В своём заявлении г-жа Данилова просила суд взыскать с МООП «Международный Литературный фонд» в свою пользу 2334480 руб. в качестве якобы «неосновательно приобретённого имущества», а также взыскать с ответчика в свою пользу уплаченную ею госпошлину в размере 25625 руб. Свой иск г-жа Данилова подтвердила определением Видновского

городского суда Московской области от 10 апреля 2008 года. В данном определении кратко приводилась история возникновения тяжбы, а именно: МООП «Международный Литературный фонд» требовала признать незаконным действия г-жи Даниловой по сносу гостиницы, принадлежавшей на правах собственности МООП МЛФ и расположенной в Ленинском район, п. Перedelкино, пер. Трудовой, д. 2а. В судебном заседании, далее говорилось в определении Видновского горсуда, стороны заключили мировое соглашение на тех условиях, что

свидетельство о государственной регистрации права истца на здание вышеупомянутой гостиницы подлежит аннулированию и что истец (МООП МЛФ) впредь не будет чинить препятствия строительству объекта недвижимости на участке ответчика; за что ответчик, г-жа Данилова, обязалась уплатить истцу МООП МЛФ денежную сумму в размере 100000 долларов США. То есть в своём иске в Савёловский районный суд г-жа Данилова просила вернуть ей те самые 100000 долларов США (2334480 руб.) на основании того, что выполнила свои обязательства по мировому соглашению. В судебном процессе выяснилось, что претензии г-жи Даниловой направлены не по адресу. Как разъяснил ответчик, 3 февраля 2008 года истецки полномочия тогдашнего руководителя Международного Литературного фонда Ф.Ф. Кузнецова. 15 апреля 2008 года на отчётно-выборной конференции главой МЛФ из-

брали Ст.Ю. Куняева. Прежний руководитель Ф.Ф. Кузнецов был уволен. Однако последний, решив организовать собственную отчётно-выборную конференцию и незаконно действуя от лица МЛФ, сфальсифицировал документы, по которым в качестве легитимного представителя МЛФ договорился с г-жой Даниловой в рамках мирового соглашения и перечисления на счёт организации-принципала НП «Культура-Евразия» 100000 долларов США, на которые и собирался обеспечить созыв незаконной отчётно-выборной конференции, что и было сделано госпожой Даниловой в нарушение условий мирового соглашения. Рассмотрев иск, 23 мая сего года Савёловский районный суд принял следующее определение: привлечь к участию в деле третье лицо — НП «Культура Евразия», возглавляемое Ф.Ф. Кузнецовым, в качестве ответчика.

Проблемы перевода

В Международном мультимедийном пресс-центре «РИА Новости» прошёл круглый стол на тему «Проблемы художественного перевода литературы стран СНГ».

В ходе обсуждения обмен мнениями шёл по целому ряду направлений. Говорили о переводческом аспекте как важнейшей составляющей диалога языков и культур государств Содружества, о сохранении традиций перевода, о подготовке молодых специалистов и так далее. Участниками круглого стола были заместитель руководителя Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям РФ Владимир Григорьев, декан переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета Инара Гусейнова,

поэт и переводчик Михаил Загот, переводчик Дмитрий Петров, заведующий кафедрой перевода английского языка МГЛУ Дмитрий Бузаджи, директор Центра азербайджанского языка и культуры при МГЛУ Белла Мусаева, профессор по научной работе Бакинского славянского университета Мамед Ариф-оглы Алиев, директор Центра казахского языка и культуры Улжан Мусабекова, сотрудник исполкома Международного сообщества писательских союзов, литературный критик и переводчик Бежан Намичишвили. Гости мероприятия стали также студентами, журналистами и представителями творческой интеллигенции.